

Толстовцы обыкновенно раздражаются, когда слышатъ упреки учителю ихъ въ непослѣдовательности: въ этомъ раздраженіи несомнѣнно есть личное чувство, потому что всѣ они, покланяясь системѣ, не исполняютъ ее—едва найдется одинъ такой вѣрный въ тысячахъ поклонниковъ Толстого, разсѣянныхъ по всему свѣту. И эта черта особенно характерна въ религіи воинствующей, которая вопить на весь свѣтъ, что всѣ прочія религіи суть не что иное, какъ ложь, изобрѣтаемая лишь для оправданія развратной жизни ихъ послѣдователей.

И разумѣется трудно, очень трудно исполненіе. Тяжкое дѣло для человѣка презирающаго и отвергающаго покровительство закона—жить на своемъ помѣстьи (такое Толстой вѣроятно предполагаетъ у каждаго изъ учениковъ своихъ) и кормиться, безъ всякой купли и продажи, трудомъ рукъ своихъ,—когда еще притомъ со всѣхъ сторонъ бродятъ толпы христіанъ голодныхъ. Мы читали недавно отчеты одной общины дѣйствительныхъ Толстовцевъ: такова община жителей Никобарскихъ острововъ, которые конечно не слыхивали о Толстомъ. Вотъ какъ живутъ они: «нѣтъ у нихъ ни одного человѣка, кто бы имѣлъ власть. Совершенное отсутствіе подчиненія—самая явственная черта социаль-